

вертывается сюжет, облавная охота на лося. Но, конечно, время «Зэгэтэ-аба» не являлось особой эпохой, не укладывающейся в общепринятую периодизацию истории. У скотоводов-бурят бытование облавной коллективной охоты и весь комплекс традиций, связанных с ней, без сомнения, является пережитком ранних ступеней их истории, когда они, если не исключительно, то по преимуществу были охотничье-рыболовческим народом, подобно тунгусам, если только само происхождение бурят как особой монголоязычной народности не является в основном результатом монголизации некоторых южных прибайкальских тунгусских племен. Облавная охота была способом производства народов, занимавшихся охотой в качестве главного или подсобного занятия, и могла существовать как на ранних, так и иногда в качестве пережитка на сравнительно поздних ступенях развития первобытно-общинного строя, а в известных условиях — и на некоторых стадиях развития классового общества. Бурятская «Зэгэтэ-аба» в том ее виде, в каком она описана Хангаловым, изображает, в частности, облавную охоту, бытующую уже в классовом обществе. Можно согласиться с Е. М. Залкиным в том, что в изображении Хангалова «Зэгэтэ-аба» имеются две тенденции. Во-первых, это «стремление доказать», что у бурят в далеком прошлом господствовали артельные формы производства в виде «Зэгэтэ-аба»; во-вторых, в его работах отражается протест против классового угнетения, которое он, не понимая исторической обусловленности социального неравенства, склонен усматривать во всех, даже древнейших стадиях общественного развития. Во всяком случае, вопрос о «Зэгэтэ-аба» и о слособе производства и формах социальных отношений бурят в далеком прошлом нуждается в дальнейшем изучении. В этом отношении большую роль сыграют без сомнения и материалы самого Хангалова, в частности его неопубликованное исследование о «первобытной женской общине у бурят».

Бурято-монгольский научно-исследовательский институт культуры и экономики и Бурмонгиз сделали весьма полезное дело, издав брошюру Е. М. Залкина. Надо пожелать, чтобы и в дальнейшем появлялись издания, знакомящие советского читателя с жизнью и деятельностью местных этнографов.

Недостатками брошюры Е. М. Залкина являются отсутствие полной библиографии изданных и не изданных работ М. Н. Хангалова и большее количество опечаток, не исчерпанных приложенным их списком. Внешнее оформление брошюры также могло быть лучше.

Б. О. Долгих

Сергей Марков, *Юконский ворон*, Изд-во Главсевморпуть, М., 1946, 336; 2-е издание, «Советский писатель», М., 1947.

С. Марков избрал благодарную тему для своей повести: жизнь и деятельность Лаврентия Алексеевича Загоскина, замечательного исследователя Аляски. Живо и красочно автор разворачивает перед читателем широкую панораму. Он рассказывает об исследовании Загоскиным бассейнов рек Кукоквим (Юкон) и Квихпак, о племенах народа кан-юлит. Автор не только подробно и точно описывает внешность, одежду, жилища и другие стороны материальной культуры североамериканских индейцев, но и красочно и тепло рисует душевный мир этих простых, честных и храбрых людей. Перед нами проходит друг Загоскина — старый индеец Кузьма, образ большого обаяния и художественной силы, его возлюбленная Ке-Ли-Лын, отважная и честная девушка, и целый ряд других. С. Марков правильно все время подчеркивает разницу в отношении к туземцам со стороны истинного сына России, передового человека своего времени, Л. А. Загоскина, и бездушной, тупоумной и жестокой русской администрации. В столице Русской Америки, Ново-Архангельске, живет простая русская женщина Таисия Головлева. Это один из наиболее удавшихся образов повести. В ее отношениях к индейцу Кузьме автор хорошо подчеркнул, как по-дружески, с уважением к человеческому достоинству индейцев относится простой русский человек, интернационалист по природе, к туземному населению Аляски, как чуждо ему презрительное и жестокое отношение к «низшей расе». Но центральным образом в повести остается образ Загоскина, его жизнь и скитания, борьба с царским произволом и в Русской Америке, и в самой России, по его возвращении туда. Повесть знакомит широкие массы советских читателей с жизнью этого крупного русского путешественника-демократа, этнографа, зоолога и геолога на фоне российской действительности того времени и жизни Русской Америки, а также быта и нравов туземцев Аляски.

Следует отметить, что автор далеко не полностью использовал обильный этнографический материал, собранный Загоскиным о племенах, населяющих нижнее течение рек Квихпак, Кукоквим, южную часть залива Нортон (народ кан-юлит) и верховье этих рек, а также о племенах тшайнцев. Загоскин очень подробно описывает не только все стороны материальной культуры этих народов, но тщательно и красочно передает их духовную культуру — праздник в честь морского духа, а также очень интересный, им впервые описанный обряд поминания мертвых, который точно пере-

дан С. Марковым. По этому поводу сам Загоскин в своем труде «Пешеходная запись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 гг.» (СПб, 1847), в разделе «Материалы для этнографии» писал: «Этнография настоящего века как наука положительная не допускает, чтобы основанием различия племен служили одни народные сказки, в которых то или иное племя считает себя происшедшим от суки, волка или ворона; и вправду, сказки эти только легковерными путешественниками принимаются за что-то важное, между тем как сами туземцы принимают их не иначе, как за иносказания. Напротив, в основание отличия племен одного и того же семейства служат верными руководителями одинаковость образа жизни, домашняя утварь, способ приготовления пищи, оружие, искусства, наречия, наконец, формы и характер соседних с ними иноплеменников» (т. II, стр. 16—17).

Вторую часть книги С. Маркова составляет «Летопись Аляски». Она в очерковой форме рассказывает историю открытий и исследования Аляски и Калифорнии, главным образом русскими, начиная с первых походов Ермака, Дежнева, Пояркова, Хабарова, Стадухина и других русских землепроходцев в Сибирь, где они впервые прослышали про далекую страну на востоке Сибири — Америку. С. Марков описывает и деятельность отважных русских мореходов, от впервые увидевших туманные берега Нового Света, как Петр Попов (в 1710 г.), до первых исследователей его, как Шелехов, Баранов, Хлебников. Автор доводит историю исследования и заселения северо-западного побережья Северной Америки до наших дней. В этой «Летописи» содержится множество интересных, важных и порой неожиданных сведений. Автор оперирует огромным количеством имен и фактов, подробно описывает деятельность русских в Аляске и Калифорнии, цитирует документы, письма, книги. Перед читателем проходит огромная галерея отважных русских людей, мореходов, промышленников, купцов, офицеров и пр. К сожалению, ценность этой «Летописи» сильно снижается полным отсутствием в ней ссылок на источники, которыми пользовался автор. Это почти исключает возможность пользоваться ею для работы научного характера. С другой стороны, чрезвычайное обилие имен, порой совершенно второстепенных, затрудняет чтение. Работа С. Маркова «Летопись Аляски», полезная и нужная, сильно выиграла бы, если бы автор учел основные требования научного подхода к теме. «Летопись Аляски» снабжена большим количеством иллюстраций, среди них — редкий портрет Г. И. Шелехова, редкие репродукции со старинных гравюр, изображающих Петропавловск на Камчатке, Якутский острог и др., репродукции рисунков первых русских исследователей Аляски, а также большое число хорошо выполненных рисунков предметов обихода туземного населения Аляски.

А. Адамов

НАРОДЫ СССР

В. Головачев, Б. Лащилин, *Народный театр на Дону*, Редакция и вступительная статья В. А. Закруткина, Ростов на Д., 1947, 184.

Народный театр — одна из наименее изученных областей народного искусства. Методологическая неразработанность вопросов, связанных с его изучением, в равной мере сказалась как на характере исследований, так и в собирательной практике. Записи материалов в большинстве случаев делались спорадически, без выяснения сколько-нибудь полно местной театральной традиции¹. Вопрос о жанровом многообразии народного театра до сих пор почти и не ставился, в частности, вне поля зрения исследователей остались простейшие формы народного драматического искусства (сценки, разыгрываемые ряжеными, игры и хороводы, драматические действа, возникшие на почве обрядов, и т. д.). Полностью не изучен ни один из видов народного театра ни в отношении его территориального распространения, ни в отношении репертуара. Вот почему появление специально посвященной народному театру книги представляет большой интерес.

Составители сборника В. Головачев и Б. Лащилин — коренные уроженцы верховьев Хопра, станиц Правоторовской и Михайловской. На протяжении десяти с лишним лет они занимались собиранием донского фольклора, главным образом песен, сказок, легенд. Специальный интерес к народному театру пробудился в них в связи с личными впечатлениями. В 1936 г. в станицах Михайловской и Правоторовской после длительного перерыва (с 1918 г.) коллективами народных актеров были возобновлены постановки народных драм: «Атаман-Буря» (станция Правоторовская), «Царь Максимиан» и «Ермак» (станция Михайловская). Живые, яркие впечатления, полученные от народного спектакля, побудили собирателей наряду с другими жанрами фольклора заняться изучением и народным театром. В 1936 г. были еще живы старые постановщики народных драм — Ф. Т. Карпенко, А. Я. Леонтьев (станция Правоторовская) и Г. Е. Орлянкин (станция Михайловская), от которых и были записаны полностью тексты пьес. Помимо этого, собирателями были обследованы и другие

¹ Исключение составляет замечательный сборник Н. Е. Ончукова «Северные народные драмы», СПб., 1911, до сих пор являющийся основным пособием при изучении русского народного театра.